

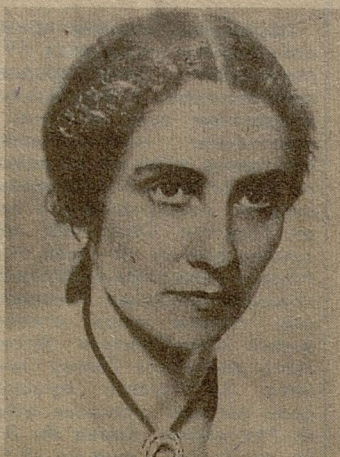
Культура. — 1993. — 17 июля. — с. 8.

Королева вкуса

Они встретились зимой 1929 года в детскосельском санатории. Ему — двадцать семь. Ей — двадцать один. И он, кажется, чуточку влюбившись, опишет ее так: «привыкшая молчать, пока с нею не заговорят, очаровательная... не придающая значения своей привлекательности. Она держалась просто, но в этой простоте было врожденное изящество, удвоенное умным и тонким воспитанием». Он сразу отнесет ее к числу людей, знакомство с которыми способно украсить и сделать содержательнее жизнь. И потому еще не раз придет в ее ленинградский дом, где она жила с мужем, мамой — профессором консерватории и братом. Ее переезд в Москву в 30-м нанесет чувствительный удар их дружбе. Но однажды на зимнем Арбате они случайно встретятся вновь и, поговорив о том о сем, вдруг дадут друг другу шутовское обещание стать знаменитыми. И самое удивительное — выполнят его. Он — писатель Вениамин Каверин. Она — замечательная камерная певица Нина Дорлиак.

Уже в конце 30-х у нее была своя аудитория (камерное исполнительство, рассчитанное «на всех», — увя, утопия), обожавшая ее светлый инструментальный тембр и необычайной выразительности голос. И были свои ученики в Московской консерватории. Но кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба певицы, если бы не события 45-го. (Впрочем, в истории, в том числе личной, не бывает «если бы»). В тот год умерла мама, Ксения Николаевна Дорлиак. В тот год в ее жизни воцарился Святослав Рихтер.

С ним, блестящим своим ак-

компаниатором и строжайшим критиком, которому, как некогда маме, верила безоговорочно, она обрела второе творческое дыхание. Чуть изменился даже характер ее искусства — оно стало более оптимистичным, тогда как ранее «преобладала печаль» (таково, по крайней мере, было мнение постоянных слушателей певицы, которое, похоже, разделяла и она сама). Подозреваю, этому способствовали и легендарные рихтеровские маскарады и балы, а также то, что мои сверстники, кажется, считают безнадежно устаревшим развлечением, — собрания друзей для совместного прослушивания пластинок и домашних, под водительством Рихтера, музыкальные вечера с участием самых именитых ныне отечественных исполнителей. Но было бы все это без нее?

...Почти полвека они вместе. И потому, что их судьбы уже неотделимы одна от другой, я и вспомнила — как ни странно — давнюю историю, действующим лицом которой был совсем другой мужчина. Но именно он, старый знакомец Вениамин Каверин, набрасывая

в своем эссе «Письменный стол» портрет Нины Львовны — на мой взгляд, чрезвычайно похожий на оригинал, — решил написать и о таком деликатном предмете, как союз двух талантов, один из которых талант гениальный.

Задавшись вопросом «какой должна быть супруга великого человека?», он обнаруживает, что ей «во-первых, надо проникнуться в смысл, в глубину его величия (именно этой черты была, как известно, лишена Наталья Николаевна Гончарова). Во-вторых, нужно быть королевой вкуса, достаточно скромной, чтобы никто об этом не догадался. В-третьих, она должна устроить совместную жизнь так, чтобы эта «совместность» не мешала, а помогала, и, если возможно, была бы не обременительной и даже приятной. В-четвертых, необходимо взять на себя деловую сторону «славы», а это сложное дело, требующее немалой энергии, такта, умения расположить к себе множество людей, подчас не имеющих к искусству прямого отношения. Для всего этого прежде всего нужна незаурядная воля — именно о ней, говорит Каверин, я вспоминаю, когда задумываюсь над образом жены великого человека. Всеми этими качествами вполне обладает Нина Львовна. Воля — одна из поражающих и восхищающих меня черт ее характера...»

Не правда ли, похоже на спич? По какому поводу? Повод есть. У нее — певицы, педагога, светской дамы, наконец (такой аристократизм духа и манер ныне встретишь нечасто) — юбилей.

Л. ДОЛГАЧЕВА.

● Н. Л. Дорлиак.